

В Словакии мы начали ускоренными темпами готовить такой вариант русинского языка на основе западноземплинского и восточноземплинского говоров. За два года интенсивной работы нам удалось подготовить к кодификации тот основной минимум, которого данный процесс требует. Торжественный акт кодификации русинского литературного языка в Словакии состоялся 27 января 1995 г. Он стал для многих актом неожиданным, но приятным, а для других наоборот. Информация о кодификации появилась не только в средствах массовой информации, но также во многих научных (главным образом славистических) журналах. Материалы этого торжественного акта и основные доклады из последовавшей за ним научной конференции были опубликованы в сборнике под названием «A new Slavic Language iz Born / Zrodil sa nový slovanský jazyk», который вышел под редакцией проф. П. Р. Магочи в 1996 г. Мы особо гордимся тем, что вступительное слово к этой публикации написал выдающийся славист и великий покровитель языка югославских русинов академик Никита Ильич Толстой. По техническим причинам мы в указанном сборнике не могли напечатать текст в оригинале. Он был опубликован в переводе на английский и словацкий языки. Поэтому с благодарностью пользуемся данной нам возможностью впервые представить здесь русский оригинал статьи Н.И. Толстого без дальнейших комментариев.

Литературный язык Подкарпатской Руси

Прошедший 27 января 1995 г. в Братиславе акт кодификации карпаторусинского литературного языка Восточной Словакии свидетельствует об исторически устойчивой тенденции разрешить литературно-языковую проблему Подкарпатской Руси, находящейся на периферии Восточной Славии и соприкасающейся с западнославянским (словацкий и польский) и неславянским (венгерский и румынский) этноязыковым миром.

Проблеме литературного языка Подкарпатской Руси уже более трех веков, если иметь в виду, что первые так называемые русинские тексты стали появляться в XVII в. Диалектная дробность, соседние культурно-языковые традиции, религиозный, социально-политический и прочие факторы существенно влияли здесь на пути выбора языка культуры – от церковнославянского в его великорусской и украинской редакциях и украинского и великорусского литературных языков до предложений и проектов литературного языка на местной диалектной основе. Если бы была написана полная история письменности и литературного языка на Подкарпатской Руси, то мы бы увидели, что этот регион Славии был своего рода испытательным полигоном в деле создания оптимального варианта литературного языка. Историческая память, говорящая о близком родстве Подкарпатской Руси с огромным украинским этноязыковым ареалом и о тесных его связях с великорусской культурно-языковой традицией (вспомним бытовавшие здесь традиции так называемых народовства и русо- или москвофильства), не позволила забыть о местной культурно-языковой традиции, известной под названием «русинизм». Сейчас мы являемся свидетелями того, что именно этот третий путь начинает принимать более или менее четкие очертания, результируясь в виде литературного языка, который будет обслуживать культурные нужды части населения Подкарпатской Руси. Возрождение русинской литературно-языковой и культурной идеи переживает сейчас Закарпатская Украина, а также лемковские регионы Польши. Что касается бачских русинов Югославии, то, как известно, у них прекрасно кодифицированный и хорошо развитый литературный язык, созданный в начале нашего века Гавриилом Костельником. Все это, а также усилия по созданию в последнее десятилетие западнополесского литературного языка в Белоруссии, попытки писать и печатать на славянских говорах польского и белорусского происхождения в Литве, мучительные поиски единых норм литературного языка кашубами Поморья и др. говорит о том, что литературно-языковой и культурный регионализм, расцвет которого наблюдался еще до второй мировой войны, отражает объективную потребность иметь, помимо общецентрической лите-

